Л.И.Щеголева

СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД И ВИЗАНТИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ

Становление древнерусской литературы сопровождалось интенсивным освоением древней Русью византийского культурного наследия. Это были произведения всех существовавших тогда жанров письменности - вместе с преобладающей церковно-богослужебной литературой на Русь пришли произведения исторические и повествовательные. Среди первых произведений, пришедших на Русь, была и "Хроника" Георгия Амартола - одно из весьма популярных византийских сочинений IX-XI вв., принадлежащее к жанру так называемых всемирных хроник с очевидной христианской направленностью [1]. Занимательность сюжетов, простота изложения и христианская идея обеспечили интерес к ней в славянском и, в частности, в древнерусском мире [2].

Этот памятник создан в одном из Константинопольских монастырей монахом Георгием, называвшим себя уничижительно Амартолом (ἁμαρτωλός - 'грешник') не позднее 863 г. Славянорусский перевод

---

[1] См., например: Подобедова О.И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке "Хроники" Георгия Амартола // Actes de XIY^e Congrès International des Études Byzantines. Editura Academiei Republicii socialiste România. 1974. S. 377.

[2] Специалисты в области византийского и древнерусского искусства указывают также и на привлекательность "Хроники" Амартола как иллюстрированного сочинения, см., например: Вздорнов Г.И. Иллюстрации к "Хронике" Георгия Амартола // Византийский временник. 1969. Т.XXX. - С.210.

был сделан, как считает большинство исследователей, в XI в. в Киеве. Самый ранний из дошедших до нас списков перевода - конца XIII или начала XIV в. Влияние этого перевода на дальнейшее развитие древнерусской художественной и исторической литературы огромно. Как известно, его следы обнаруживаются в "Повести временных лет", он положен в основу "Еллинского летописца", "Хронологических Палей" (Полной и Краткой), использован дословно в "Александрии". Отдельные извлечения из "Хроники" Георгия Амартола встречаются во многих произведениях ранней русской литературы. Так, например, можно обнаружить прямое заимствование из нее в "Повести о Царьграде" XV в. (описание построек Константина Великого).

"Хроника" Георгия Амартола служит постоянным предметом изучения для лингвистов, литературоведов, историков, искусствоведов. Начало всестороннего лингвистического изучения "Хроники" положил академик В.М.Истрин, осуществивший ее критическое издание [3]. Нас же заинтересовал художественно-переводческий аспект "Хроники". Вся смысловая ткань славянского перевода "Хроники" Амартола (по древнейшему, Троицкому списку и с учетом разночтений) была систематически сопоставлена нами со смысловой тканью параллельного греческого текста, а именно "Коаленева кодекса" [4] X в., который считается наиболее близким к протооригиналу славянорусского перевода [5]. Сверка славянского перевода на смысловую и образную адекватность оригиналу

---

[3] Истрин В.М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: "Хроника" Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. - Пг., 1922. Т.I; 1923. Т.II; - Л., 1930. Т.III.

[4] Georgii Monachi Chronicon / ed. C. de Boor. Leipzig, 19[illegible]

[5] Истрин В.М. Указ.соч. Т.II. - С.128.

позволила выявить значительный слой случаев неадекватного перевода, то есть случаев, когда переводной эквивалент греческого слова не является его смысловым эквивалентом и даже не пересекается с ним по смыслу. Дальнейшее изучение памятника показало, что, во-первых, каждая такая, на первый взгляд, очевидная ошибка или вольность перевода почти всегда семантически уместна, по крайней мере, в пределах малого контекста; во-вторых, эти ошибки внесли свою особую образность, сквозь которую отчетливо проглядывают склонности и пристрастия автора перевода, его лингвистические и общие знания. Выявляются небезынтересные штрихи к портрету древнерусского книжника-переводчика (или переводчиков - этот вопрос мы пока оставляем в стороне), работавшего в специфической языковой и культурной ситуации [6].

Обнаруживаются внешние и внутренние причины ошибок, или, точнее, смысловых подмен. Внешняя причина - всегда лингвистическая: смешение форм. Истинное обоснование - как правило, психологическое: перевешивает более сильная ассоциация. Возьмем простой случай, когда вывод напрашивается сам собой: судя по характеру ошибок, наш переводчик не знал "Священного писания" наизусть, оно не было, так сказать, у него на языке. "Святилища в земле Иуды" ("2 Паралипоменон" 19: 3) в переводе заменены на "соль ѡт(ъ) землѦ июдовы" (И 154) [7]. Оправдание переводчику - сходство слов τὰ ἄλση 'священные рощи' и ὁ ἅλς (вин.п. ἅλσα) 'соль'. Однако интересно то, что не распознано редкое, устаревшее слово, не угадано общее место из "Священного писания". При всем том фраза получилась и осмысленная, и художественно эффек-

---

[6] См. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII в.в.). С.11-37. München. Verlag Otto Sagner. 1987.

[7] Номер страницы перевода дается по изданию: Истрин В.М. Указ. соч. Т.I. Отсылка к греческому тексту обозначается буквой Б.

тная. Библейское "Пути Сиона скорбящие" ("Плач Иеремии" 1: 4) переведено как "Песни Сиона скорбящия" (И 176) - по смешению сходно звучащих слов ὁδοί 'пути' и ᾠδαί 'песни'.

Поскольку в незнании "Плачей Иеремии" упрекает переводчика и В.М.Истрин [8], присмотримся внимательнее к этой последней ошибке. Переводчик Амартола не путает, как правило, близких слов просто так, это всегда сознательная работа, приводящая к осмысленному тексту в малом контексте. Фраза о путях Сиона находится в составе цитаты из "Речи о мире" Григория Назианзина. В этом месте Григорий Назианзин приводит три фразы из "Плачей Иеремии" в порядке, логику которого можно объяснить лишь намерением вызвать слезы набором жалостных слов: сыны Сиона драгоценные ("Плач" 4, стих 2), пути Сиона скорбящие ("Плач" 1, стих 2), руки женщин милосердных ("Плач" 4, стих 10). При этом окончание первой и третьей цитаты вольное, так что узнать цитату можно было только по зачину. Поскольку цитата не была опознана, а все извлечение из "Речи о мире" перенасыщено лексикой слез и плача, то следует признать, что "(скорбные) песни" тут куда более уместны, чем персонифицированные "пути". Возьмем на себя смелость сказать, что наш переводчик сделал этот фрагмент "Речи о мире" более цельным, упростив образ путей, плачущих от того, что по ним не идут веселые люди, до песен, скорбных из-за отсутствия веселых людей.

Перевод многозначных слов с неравноценными по употребительности значениями (наряду с другими фактами) свидетельствует о том, что переводчик хорошо владел живым разговорным греческим языком своего времени, и обнаруживает пробелы в знании литературного языка. Это заключение, подтверждаемое массовым материалом этого памятника, мы

---

8 Истрин В.М. Указ.соч. Т.П. С.157.

проиллюстрируем здесь одним примером.

В одном назидании в греческом тексте говорится: "Склоняющиеся ко злу и губящие свою жизнь, предпочитая добродетели несправедливость, - опасные убийцы и преступники" (Б 156). В славянском переводе вместо "убийцы" находим собирательное господиѥ (И 119), отчего все назидание теряет свой смысл. Причина ошибки - необычность истории и непредсказуемость разветвления смыслов слова ὁ αὐθέντης . Исходное значение: 'тот, кто сам отвечает за что-либо', преимущественно 'тот, кто сам отвечает за убийство'. Затем развилось значение 'тот, кто является причиной', наконец значение 'хозяин, господин' [9] (во время турецкого ига от этого греческого слова произошло турецкое эфенди 'господин'). В классическом языке есть оба значения, и 'убийца', и 'господин', они встречаются даже у одного и того же автора - Еврипида. В "Андромахе" Пелей считает Менелая виновным в смерти Ахилла, поэтому Менелай - убийца Ахилла: αὐθέντης Ἀχιλλέως (стих 614). В "Просительницах" народ назван господином своей земли: δῆμος αὐθέντης χθονός (стих 442). Начиная с "Нового завета" отмечен производный глагол αὐθεντεῖν 'властвовать': "а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии" ("1 Послание к Тимофею" 1: 12). Интересно, что значение 'убийца' и даже 'самоубийца' есть в словаре византийского филолога X в. Свиды [10] , однако в словаре церковной литературы Лампе [11] его нет (впрочем, в нем этого существительного вообще нет). Славянский перевод этого слова неуместным по контексту современным переводчику зна-

---

9 Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. T. 1. P. 138.

10 Suidae Lexicon Graece et Latine. Halle, 1852. Col. 855-857.

11 Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1952. P. 262.

чением является своего рода индикатором того, что значение 'убийца' действительно было редким ко времени перевода "Хроники".

Переводчик "Хроники" нередко ошибался в угадывании исходной формы (и тем самым в переводе) трудных для восприятия чисто книжных форм глагола, вызывавших затруднения и у греческих книжников позднего средневековья. В большинстве случаев он блестяще справлялся с этими формами, но нельзя было бы ожидать от него полного отсутствия ошибок. Ошибки в понимании, в частности, причастных форм - дань естественной запутанности морфологии древнегреческого глагола. Вот пример неправильно понятой причастной формы, переведенной, однако, так, что получилась новая картина: "И покладахоу волоу брашна въ ꙋслехъ многа, хвалѧще б҃а своѥго" (И 64). Словом "хвалѧще" здесь переведено греч. εὐωχοῦντες 'угощая' (от εὐωχέω 'угощать'), которое, скорее всего, было принято за причастие от εὔχομαι 'хвалить'. Не следует думать, что переводчик не знал глагола εὐωχέω, но он мог не знать его производных и остановился на семантике похвалы в силу ожидания, заданного контекстом (речь в этом месте идет о более высоких материях, чем еда: о поклонении животным как богам).

Чтобы дать целостное представление о манере переводческой работы славянского переводчика, рассмотрим одну характерную художественную миниатюру - "Послание 45. К падшему монаху" Василия Великого, выдающегося христианского писателя второй половины IV в. В "Хронику" включена основная часть этого послания [12]. Она включена в рассуждение на тему "Спасается тот, кто претерпит до конца" ("Евангелие от Матфея" 10: 22) и дает пример человека, весьма преданного богу, но в конце оступившегося. В "Хронике" не приводится начало письма - опи-

---

12 S. Basilii Magni. Epistola XLV // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. 32. Col. 365-370.

сание противоречивых чувств Василия по отношению к своему бывшему приятелю: он и обвиняет его, и сочувствует ему. Он на распутье - так начинается цитата. Далее содержание членится на три части: три жизни (богач - монах - падший монах) - два поворота в судьбе и соответствующая смена чувств автора. При воспоминании о суетной жизни своего адресата в миру Василий содрогается. Описывается картина этой жизни, причем общественные беды, толкнувшие богатого человека на уход в монахи, в цитате опущены. Отказ от мирской жизни вызвал у Василия чувство восхищения вплоть до признания монаха блаженным. Дается картина монашеского подвижничества бывшего богача. Об этом рассказывается в письме подробно и предметно, крупным планом дается вид аскета. Далее молва о падении монаха ранит автора. Он горько сетует и укоряет монаха в том, что тот опозорил всех христиан, "нас", выставив в смешном виде перед язычниками. Укоризна завершается применением к падшему монаху библейской притчи: бывший великий праведник идет на грех, "как олень - на выстрел, пока стрела не пронзит его печень" ("Притчи Соломона" 7: 23). Так кончается цитата. Георгий Амартол, которому надо было показать, как нехорошо отступать от праведной жизни, не приводит конца письма, где Василий призывает падшего монаха вернуться к богу и надеется на его исцеление.

Рассмотрим теперь отступления перевода от оригинала.

Цитата начинается риторическим вопросом: "Увы, что мне сказать и что подумать, оказавшись на распутье (ἐν τριόδῳ ἀπειλημμένος)?" Сложное слово τρίοδος с предлогом переводится предложным описательным выражением "въ ·г҃· поути" (И 150). Перевод буквальный и, как таковой, совершенно точный. Маленькая оплошность - неверная передача значения предлога - повлекла за собой необходимость заменить образ, лежащий в основе этого выражения: в греч. это пребывание на распутье ("трипутье"), в славянском - разрывание между тремя дорога-

ми. Внешний толчок к такой подмене был: это похожесть однокоренных слов ἀπειλημμένος 'захваченный, застигнутый' и διειλημμένος 'разделенный'. Итак, следуя принципу буквальности, переводчик далее оказался связанным буквальным значением и сделал ошибку в переводе глагольной формы, но выбранная глагольная форма, не соответствуя греческой, семантически согласуется с дополнением "въ ·г҃· поути раздѣленъ". Вместо нейтрального "оказаться на распутье" появилось страстное "терзаться сомнениями".

Василий напоминает своему адресату о давних временах, когда того "окружали богатство и ползающая по земле презренная слава": περιέρρει ὁ πλοῦτος καὶ χαμερπὲς δοξάριον. Передать смысл этой фразы кратко и в то же время точно невозможно и сейчас. В славянском тексте ее смысл обеднен и драматизирован: "... раздьра б(ог)атьство и земнаꙗ слава". В славянском не оказалось производного от "слава" (и наш переводчик не придумал его) с уничижительным оттенком для передачи имени среднего рода τὸ δοξάριον. Этот оттенок в славянском переводе потерян. Сложное прилагательное χαμερπής, которое можно передать только описательно 'ползающий по земле, пресмыкающийся', переведено буквально по первому корню и обедненно, с утратой оттенка 'пресмыкающийся'. Имперфект περιέρρει 'окружали' заменен на 'раздира(ли)'. Почему? Глаголы περιρρέω 'окружать' и περιρρήγνυμι 'раздирать' похожи, особенно похожи их аористы: περιέρρευσα и περιέρρηξα соответственно. Таковы ли были лингвистические ассоциации переводчика или нет - его решение нельзя считать случайным: он мыслил уже драматически. Итак, в греческом человека "окружали богатство и слава", в славянском "раздирали богатство и слава".

Вне словарного запаса переводчика оказалось слово ὁ κόλαξ 'льстец'. В цитате из Василия оно передано через слоуга - это осмыс-

ленный свободный перевод первого члена фигуры противопоставлени : для подчеркивания контраста с монашеской жизнью у Василия используются "льстецы и роскошь", у переводчика - "слуги и роскошь", что, по-видимому, соответствует его представлению об идеале мирской жизни. Это слово встретилось в "Хронике" пять раз, и все переводы весьма показательны.

В рассказе о Сарданапале греческому "льстець, подражавшие его чревоугодию, обжорству и разнузданности" (Б 43) соответствует в переводе любодѣици же и подобници и т.д. (И 35). Это свободный перевод возник по впечатлению от поведения приближенных царя: те, кто предаются чревоугодию, обжорству и разнузданности (а от себя переводчик еще добавил: пьянству), - конечно же распутники. Так вольности перевода приоткрывают перед нами ход мысли переводчика и даже в какой-то степени мир его представлений.

Остальные три употребления - в цитате из "Церковной истории" Сократа - находятся практически в одном месте, в логически запутанном периоде. В ряду таких понятий, как гордец и неблагородный человек, 'льстец' переведено словом "моукарь" (И 393); ряд 'притворщик, льстец, наглец' (Б 596) переводится как "моучитель и досадитель" (И 394) с пропуском перевода для 'притворщик'. Здесь переводчику изменила его находчивость; он пошел по пути ложного этимологизирования: κόλαξ он связал по созвучию с глаголом κολάζω 'карать, наказывать'.

Обратим внимание на второе понятие, символизирующее у Василия верх мирского довольства и осуждаемое им: τρυφῆς ἀπόλαυσις πρόσκαιρος . Итак, богатого в миру окружало, кроме льстецов, "кратковременное наслаждение удовольствием", в чем легко видеть реминисценцию евангельского понятия πρόσκαιρον ἔχειν ἁμαρτίας ἀπόλαυσιν "преходящее наслаждение от греха" ("Послание к Евреям"

11: 25). В славянском переводе "Хроники" это "пища временьныѧ сладости" (И 150). Фраза несколько переосмыслена сравнительно с оригиналом, основой словосочетания стало слово 'пища' (из τρυφῆς род.п.). Оба слова лексики "наслаждения", "пища" и "сладость", устроены просто: название предмета перенесено на чувство, вызываемое предметом. Лексика "желудка" стала лексикой духовных (и не духовных) радостей. Оба эти слова переводчик взял из запаса литературного языка своего времени, они отмечены и в других ранних произведениях (см. словарь Срезневского). Употреблению слова "пища" не мешало даже то, что оно является плодом смешения греческих τρυφή и τροφή , на что указывает и словарь Срезневского. Можно думать, что это было не механическое смешение двух внешне похожих слов, а воздействие той семантической модели, которая позволяла первым книжникам видеть в словах "пища" и "сладость" значение 'наслаждение': ведь отношение между семантикой слов τροφή и τρυφή такое же, как и между семантикой слов "сладость" и "наслаждение". Оба примитивных слова не выдержали в истории литературного языка конкуренции с более совершенным "наслаждение".

Василий Великий восхваляет нравственный подвиг того, кто решается на уход из мирской жизни, отказывается от имущества и навсегда оставляет συνοίκου ὁμιλίαν , в славянском переводе - "подроужнаѧ бесѣды ω(т)мьтаѧсѧ". Перевод "Послания 45", выполненный в новое время [13] , более точен: Василий говорит здесь не об отвлеченной "беседе", а конкретно о супружеских отношениях. Основным значением существительного ἡ ὁμιλία во времена Василия и позже, во времена Георгия Амартола, особенно в церковной литературе было, ко-

---

[13] Творения Василия Великого в русском переводе, выполненном Московской духовной академией. - СПб., 1911. Т.3. С.66-67.

нечно же, 'беседа'. Можно предположить, что Василий намеренно употребил это слово здесь в его редком, устаревшем значении, отказавшись от прямого выражения этого значения, чтобы не оскорбить слух своей паствы. Этой тонкости в широко распространенном слове не понимали, может быть, и грекоговорящие современники Василия, не говоря уже о IX в. Не удивительно, что наш переводчик увидел в слове ἡ ὁμιλία его обычное значение.

После того как герой послания Василия отказался от всего мирского, он, "весь мьтьрси" ушел в Иерусалим. Слово "метарси" принадлежит к арсеналу заимствованной лексики той ранней эпохи становления языка нашей письменности, когда переводилась "Хроника" Амартола. Оно встречается в "Путятиной Минее", что отмечено в словаре Срезневского [14]. В XII в. слово "метарси" уже ушло из языка, будучи заменено славянским эквивалентом "възвышенныи": в "Минее" XII в., например, вместо "метарси" находим "превысок" и "превъзвышенъ" (оба слова есть в словаре Срезневского). Интересно, что лексемы, связанные с "возвышением", есть в "Хронике", но употреблен он пока что только в своем конкретно-предметном значении [15].

По-видимому, переводчик, как и другие книжные люди его времени, хорошо различал переносное и конкретное значения греч. μετάρσιος. Там, где прилагательное μετάρσιος употреблено в конкретном значении: ἵπτατο μετάρσιος εἰς τὸν ἀέρα 'летал поднятый на воздух' (Б 374, эпизод о полете мага Симона из "Апостольских постановлений" VI, 9), переводчик дал его славянский эквивалент - "летѧше носимь на аѥрѣ" (И 259). Перевод выполнен в обычной манере: конк-

---

[14] Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. - СПб., 1895. Т.II. Стб. 129.

[15] Истрин В.М. Указ.соч. Т.III. - С.218.

кретно-предметно и с потерей семантики подъема, воздушности. Впрочем, "носимь" как будто точнее соответствует ситуации: в конце концов Симон не поднимался, а летел сверху вниз...

Художественное чутье переводчика обнаружилось в передаче греч. προσφιλοσοφεῖν - редкого приставочного образования, для которого словарь Лампе дает в качестве источников только Василия Великого, Григория Нисского и Григория Назианзина [16] - авторов, в силу родства и взаимной дружбы имевших и сильно пересекающийся словарный запас. В "Хронике" Амартола этот глагол употреблен два раза: в "Послании 45" Василия Великого и в цитате из церковного писателя, ученика Иоанна Златоуста Нила, рассказывающего библейскую историю о пребывании Моисея на Синайской горе ("Исход", главы 19-34). В обоих случаях глагол προσφιλοσοφεῖν имеет значение словесно-умственного действия, обращенного к богу. Интересно, что у самого Нила этого глагола нет, у него в этом месте ὁ Μωϋσῆς ... προσομιλῶν τῷ θεῷ [17] 'Моисей беседовал с богом'. Широко распространенный глагол προσομιλέω - 'разговаривать, беседовать с кем-либо', обозначающий в том числе и беседы с богом [18], Георгий Амартол заменил на синонимичное, но редкое слово προσφιλοσοφεῖν (Б 121), которое переведено в славянском как бесприставочное φιλοσοφεῖν, а направленность действия передана в предложном дополнении: "премоудроуꙗ съ б(ого)мь" (И 98) - Моисей ведет беседы с богом почти наравне с ним. Смиренный монах Василия Великого находится в иных отно-

---

16 Lampe. P. 1184.

17 S. Nilus Hyperecius. Liber de monastica exercitatione, cp. 14 // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. 79. P. 736.

18 Lampe. P. 1180.

шениях с богом - в славянском переводе он "къ б(ог)оу ѡбѣты творѧше" (И 150), что можно назвать свободным переводом в хорошем смысле этого слова.

Для характеристики втянутого живота аскета Василий использует изощренное сравнение с действием медицинской банки: ἔνδοθεν δὲ τὰς λαπάρας σικύας δίκην ὑφελκύσας τοῖς νεφριτικοῖς χωρίοις ἐβιάζου προσκολλᾶσθαι (Б 208) - дословно: "Изнутри втянув живот наподобие банки, ты вынудил (его) прилепиться к тем местам, где почки". Семантика наречия ἔνδοθεν и глагола ὑφελκύω создает образ втягивания, как бы всасывания живота внутрь до такой степени, что живот "прилип к области почек". Сравнение с медицинской банкой, которая действует по принципу всасывания, вполне подсказывается этой картиной. Медицинская банка была известна в средиземноморской врачебной практике со времен античности; в то время она имела форму тыквы и унаследовала имя этой последней (ἡ σικύα)[19]. В славянском переводе сравнение такое: "ꙗко прьстеньныи ѡбразъ". Остается загадочным, каким путем переводчик пришел к семантике перстня. Впрочем, с этим местом "Послания" не вполне справился и переводчик начала XX в., ограничившийся сравнением живота с тыквой: "... желудок, сжавшийся наподобие тыквы, заставил прильнуть к почкам".

Интересен перевод еще одного рельефного сравнения, характеризующего усердного постника: у него "грудная клетка нависла над областью пупка как выступ (ἡ ἐξοχή) кровли". При переводе этого сравнения сработал принцип ложной этимологии; не поняв слова ἡ ἐξοχή , переводчик связал его с хорошо знакомым ему глаголом ἐξ-εύχομαι 'горячо молить', "вымаливать", прочел ἐξοχή как

19 Liddel H.G. and Scott R. A Greek - English Lexicon. A New Edition. Oxford, 1925-1940. Vol. II. P. 1598.

несуществующее *ἐξευχή (ср. бесприставочное εὐχή 'молитва') и даже построил от него лженеологизм: существительное на -ище измолиште, то есть нечто 'вымоляющее'. Фраза выглядит так: "Ребрьныꙗ страны ꙗко ньхотораго покрова измолиште поупноую страноу ѡсѣнꙗше". Совсем не исключено, что и этот ошибочный перевод был осмыслен переводчиком как художественный образ, в котором играл признак мольбы.

Василий далее печально замечает, что все эти жертвы самоистязания были принесены напрасно: "Где у меня теперь рассказы о твоих подвигах? Уходят" (ποῦ μοι τὰ διηγήματα τῶν σων πόνων; οἴχεται). Лаконичный каданс это риторической фигуры не был понят нашим переводчиком. Глагольная форма οἴχεται 'уходят' была принята за образованную от ἠχέω 'звенеть'. Получилось изящно и тонко: "Кде ми соуть г(лаго)ли твоихъ троудъ? Звьнꙗть" (И 151).

Василий упрекает монаха в том, что тот нарушил заповедь целомудрия. Василию особенно обидно, что из-за его неправедного поведения все христиане оказываются чем-то вроде развлечения для нехристиан: "Мы стали для пленников (αἰχμαλώτων) трагедией (τραγῳδία); иудеям и эллинам наши (трудности) служат сценическим представлением (δραματουργεῖται)". "Пленники" здесь - это метафора для язычников, некрещеных, см., например, в словаре Лампе пример из Кирилла Иерусалимского: "Крещение - искупление пленников" [20], см. также евангельское "пленники греха" ("пленники закона греховного" - "Послание к Римлянам" 7: 23). В христианско-церковной литературе можно было употребить просто "пленники" без опасения быть непонятым.

Георгий, ἁμαρτωλός, не понял смысла этого выражения и это место "Послания" он передал в своей "Хронике" как антитезу "своих" и "чужих", по-разному воспринимающих случившееся: "Мы стали для вра-

---

20 Lampe. P. 55.

гов трагедией (τραγῳδία им.п.), а для друзей - скорбной песней (θρηνῳδία им.п.)". В получившейся антитезе не совсем понятно, как τραγῳδία противопоставлена θρηνῳδία . Славянский переводчик тоже, по-видимому, не понял этого, он перестроил и упростил картину далее, но зато сделал ее семантически прозрачной, лаконичной и сильной - "быхомъ врагомъ пѣниѥ, другомъ рыданиѥ " (И 151).

Есть и другие, более мелкие неточности в переводе этой цитаты, о которых мы здесь не говорим, поскольку они, будучи очень важными для изучения истории обоих языков, не оказывают, на наш взгляд, значительного влияния на общее впечатление от произведения.

Приведенным разбором мы старались показать следующее.

1. Перевод "Послания 45" Василия Великого, этого наугад взятого из "Хроники" цельного ее фрагмента, который, на первый взгляд, пестрит неточностями и ошибками перевода, - по критериям буквального перевода можно оценить достаточно высоко: он дает осмысленный текст в пределах малого контекста.

2. Явные неудачи переводчика, которых очень мало, - это ценный материал для изучения обстановки перевода, уровня знаний книжных людей на Руси в XI в. Было бы методологической ошибкой считать неудачи перевода признаком необразованности переводчика. Образованность - понятие историческое: наш переводчик был весьма образован в рамках той литературы, которая ему была доступна. Узнать, например, про медицинскую банку ему было просто неоткуда.

3. Смысловые замены перевода контекстно уместны и художественно оправданы. Крайне страстное и многословное сетование Василия в славянском переводе, можно сказать, еще усилено: немногие нейтральные точки рассказа заменены их драматизированными вариантами. Простая констатация "нахожусь в противоречиях" в начале цитаты заменена на резкое "разрываюсь от противоречий", в полном соответствии со

стилем опущенного Георгием начала письма, как будто переводчик знал его. В картине богатства и славы в переводе подчеркнут их губительный характер: богатство и слава раздирали богатого. Картина с льстецом и наслаждениями заменена более конкретной, но не менее греховной. Славянское "враги ликуют, друзья плачут" не более стандартно, чем понимание мысли Василия создателем "Хроники", для которого и греческий язык родной, и литература доступна.

4. О том, что древние переводные памятники русской письменности имеют много ошибок, темных и невразумительных мест, известно со времен И.В.Ягича. О "Хронике" Амартола это известно из фундаментального исследования акад. В.М.Истрина. Применяя метод сплошной сверки греческой и славянской смысловой ткани, удается расшифровать ряд таких темных мест и доказать, что в переводе была своя логика. Возникает вопрос: не свидетельствуют ли "непонятные места" древних памятников об отсутствии у нас инструментов для их понимания? Не является ли, например, "перстенный образ" непонятным только для нас, не сумевших найти в не прочитанных еще произведениях нашей древности подобных употреблений?